

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ П. КРУСАНОВА «УКУС АНГЕЛА»

А.С. Торосян

Кафедра русской и зарубежной литературы
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117298

В статье дается анализ художественного пространства романа П. Крусанова «Укус ангела» в контексте идей евразийства. Ключевым вопросом в статье является противостояние «Россия—Восток», «Россия—Запад». Евразийцев и Крусанова сближают идеи об особом статусе России как евразийской страны, а не европейской или азиатской. В романе «Укус ангела» наличествует критика европеизации России.

Ключевые слова: евразийство, петербургский фундаментализм, оппозиция, имперское сознание.

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XIX—XX вв. в среде русской эмигрантской интеллигенции возникло философско-политическое движение — евразийство. Первыми представителями новой философской концепции были П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой Л.П. Карсавин. Интересы и специализация мыслителей были различны: экономическая география, этнография, языковедение, философия, история, религия, востоковедение, география, музыка и др. В основе евразийской идеи, которая объединяла интересы разных специализаций, лежит мысль о синтезе западного и восточного начал в русской, так называемой евразийской культуре. Россия, по мнению П.Н. Савицкого, «как по своим пространственным масштабам, так и по своей географической природе, единой во многом на всем ее пространстве и в то же время отличной от природы прилегающих стран, является «континентом в себе». Этому континенту, предельному «Европе» и «Азии», но в то же время непохожему ни на ту, ни на другую, подобает, как нам кажется, имя «Евразия» [6. С. 203].

ОБЩИЕ ИДЕИ ЕВРАЗИЙСТВА

Важным в общей концепции евразийства было то, что евразийцы, осмысляя русскую национальную самобытность, критиковали европеизацию России, выступая в пользу объединения с азиатскими странами.

Н.С. Трубецкой в его труде «Европа и человечество» подвергает критике некоторые устоявшиеся философские и исторические аксиомы, объясняемые психологическими особенностями европейцев. Преобладающую черту европейского

сознания составляет, по Трубецкому, эгоцентризм, которым проникнуты столь распространенные в научном обиходе термины «общечеловеческая цивилизация», «общечеловеческая культура». Вступая на путь подражания Европе как идеалу, отмечал Трубецкой, каждый народ, в том числе и российский, утрачивает свой национальный облик, не преобразуясь, однако, в европейцев.

Евразийские идеи о противостоянии «Восток—Запад», «Россия—Запад», «Россия—Восток», впервые воплотившиеся в творчестве А.Н. Толстого, А. Белого, А.П. Платонова, находят свое отражение в художественных мирах писателей XXI в. На наш взгляд, евразийским пространством с его мифологизированными представлениями о двух типах культур, об их влиянии и роли в истории России пронизан роман современного петербургского писателя П. Крусанова «Укус ангела».

Прежде чем перейти к анализу евразийского пространства в романе «Укус ангела», стоит отметить, что Крусанов является не только художником, но и теоретиком петербургского фундаментализма, идеи которого, так или иначе, пересекаются с воззрениями евразийства. Взгляды петербургских фундаменталистов и евразийцев сходятся в стремлении к актуализации в общественном самосознании идеи имперства. «Устойчивая евразийская форма государства и власти — форма великой империи. Таковы были державы скифская, гуннская, монгольская, таково Московское царство и Всероссийская империя. Крепка и жизненна евразийская держава, оказывалась, однако, только тогда, когда правящая верхушка не отрывалась от народа и внутренние подпочвенные воды питали власть», — писал Г. Вернадский [1. С. 106–107]. В эссе «Легионеры Незримой Империи» Крусанов следующим образом выражает основную мысль петербургского фундаментализма: «Неофундаментализм осознает себя явлением незримой Империи — империи духа, достойной не только великодержавных заявлений, но и великодержавных действий» [2. С. 47].

Сложно не заметить, насколько часто в трудах евразийцев и работах не-офундаменталистов встречаются слова «сверхусилие», «сверхнациональный», «сверхзадача», «великодержавный», «великорусский», «суперэтнический», «суперэтнос». Мыслителей обоих движений привлекает идея Империи в связи с тем, что только подобная форма правления, по их мнению, «исполненная воли к экспансии», имеет сверхценность, сверхзадачу, какой для Рима была идея всемирной экспансии, для Византии — идея православного прозелитизма, для империи Чингисхана — зов последнего моря [2. С. 273].

АНАЛИЗ РОМАНА П. КРУСАНОВА «УКУС АНГЕЛА»

Художественный мир «Укуса ангела» пронизан антитезой «Россия—Запад» с одной стороны, и «Россия—Восток», с другой. Из этой антитезы вытекают следующие пространственные оппозиции: «свой—чужой», «центр—периферия», «сакральный—профанный». Одно из главных свойств мифологического пространства — наличие в нем сакрального центра и потенциально враждебной периферии.

Сакральным центром в произведении является «русский рай» — имение Некитаевых под Порховом, где в погребке томились в неволе хрустящие рыжики и брусничное варенье, где липовая аллея выводила к озеру с кувшинниками и стрекозами, где в лесу избывали свою тихую судьбу земляника и крепкий грибной народец» [3. С. 6]. Здесь Иван проведет самые спокойные годы жизни, здесь после своей смерти в озере будет обитать мать Ивана и Тани — серебряная уклейка.

Пространство враждебной периферии распределено на Востоке, с одной стороны, и на Западе — с другой. Походы ротного командира Ивана Некитаева в Табасаран открывают новое пространство, противоположное сакральному центру. Но оно скорее не «чужое», согласно традиционной оппозиции «свой—чужой», а «недоосвоенное».

Табасаран, а в дальнейшем и другие завоеванные земли, наделен чертами, свойственными мифологическому представлению о потустороннем мире. Если имение главного героя — это укрытие от внешнего злого воздействия, место спокойного течения жизни, то Кавказ — это неосвоенная и враждебная территория, населенная народом с варварской и эмоциональной культурой: «Они грызут гашиш, как сухари, и на спор ловят зубами скорпионов. После рукопожатия с ними можно не досчитаться пальцев. Они берут заложников и воюют, заслоняясь прекрасным полом, который весьма невзрачен. С ними нельзя договориться, потому что у них змеиный, раздвоенный язык и они не помнят клятв. Они оставляют после себя оскопленные трупы пленных, насаженные на шест скальпы и насмерть обваренные в смоле тела имперских солдат...» [3. С. 31]. В этом «аду» царит полный беспорядок, извращения, насилие. Ценностная иерархия, характерная для мира сакрального, переворачивается с ног на голову.

Герой из «своего» мира попадает в «иной» мир. По мнению Лотмана, «попадая на новое место, объект может утрачивать связь со своим предшествующим состоянием и становиться другим объектом (в некоторых случаях этому может соответствовать и перемена имени)» [4. С. 525].

В Табасаране Иван Некитаев становится Иваном-шайтаном, и все глубже создается демонический образ великого завоевателя. Чужие злые духи встают на сторону Некитаева. Абреки, пораженные русской армией, признают, что сам «Иблис вселился в этого отчаянного уруса, наделил его дьявольской хитростью и на погибель правоверным добывает ему победу за победой» [3. С. 34]. Иблис — дьявол в мусульманской мифологии; в Коране и других текстах употребляется наряду с другим обозначением дьявола — аш-шайтан. Иблис постоянно называется «врагом аллаха» или просто «врагом». [5. С. 639] Чтобы обуздать чужую культуру и народ с его безнравственным и диким образом жизни, Ивану приходится совершать поступки, которые стоят за пределами добра и зла. Российская империя Крусанова стоит за пределами интересов Запада и Востока. Именно так должно мыслить имперское сознание, по Крусанову: «— Тебя не пугает война? — А что, есть другой способ усмирять бунты и созидать империи?» [3. С. 97].

Так, с одной стороны России противопоставлен Восток: он отождествляется с варварским, диким, несущим хаос началом, для которого «сохранение ритуала,

канона является главной жизнеобразующей заботой». С другой стороны, Запад: его «язык газонной цивилизаций», Эдипов комплекс, который «в русском человеке места себе не находит», извращенное представление о еде, либеральные ценности, «человекопоклонство», «культ успеха, закрывающий от взора истинное бытие», совершенно чужеродные российскому сознанию, навязанные извне.

Оппозиции «Россия—Восток», «Россия—Запад» имеют совершенно разный характер. Восток — враг, который вызывает уважение, он, безусловно, должен быть подчинен некитаевской власти, но на протяжении всего романа предстает как соперник, достойный уважения. В особенности уважения удостоивается Китай, который стоит особняком от всего Востока и является единственной союзной страной России в Мировой войне: «Зачем бросаться толковыми и преданными людьми? Это расточительно», — советует Таня брату в диалоге о Китае» [3. С. 236]. Не случайно в жилах Ивана течет и русская и китайская кровь: «кровь, признаться, у него редкая — кровь двух евразийских империй» [3. С. 97]. Слияние русской и китайской крови стало причиной рождения сверхнационального героя, у которого одна цель — любой ценой создать Имперское государство.

Подобное отношение к Китаю в «Укусе ангела» вытекает, как нам представляется, из нелитературных размышлений Крусанова о Поднебесной: «Мир терзают этнические и религиозные конфликты, которые Китаю-то как раз и не грозят. С учетом природной терпеливости народа этой страны, который может сто лет, из поколения в поколение, упорно желать возврата части своей некогда утраченной территории (и будьте уверены — дождетя), у этого государства весьма хорошие перспективы. России следовало бы подобной настойчивости поучиться» [2. С. 275].

Совсем иначе отражена в романе оппозиция «Россия—Запад»: высмеивая европейские и североамериканские ценности, Крусанов подчеркивает отсутствие их необходимости для России. Ирония, смешанная со стебом, создает образ жалкой западной культуры. «Начнем с того, что Североамериканские Штаты не интересны мне как собеседник — ведь им нечего вспомнить», — говорит Легкоступов-старший и продолжает — «Великие британские художники придуманы британскими критиками, которые решили, что таковые должны быть» [3. С. 10].

Подобные иронически-интеллигентные размышления постепенно переходят в национальную неприязнь: «Впрочем, пугливость нынешних ревнителей свобод, равно как и трепет перед однобоко понимаемой ими культурой, происходит от странного тумана, клубящегося в пространстве их рассудка. Иначе отчего бы им упрямо путать цивилизацию с техническим прогрессом и восторженно называть цивилизованной желторотую Австралию, а в многотысячелетнем Китае, тысячелетней России или, скажем, Персии не видеть ничего, помимо дикости» [3. С. 63]. Неслучайно главный соперник Ивана Некитаева Гаврила Брылин является сторонником сближения России с Европой и Североамериканскими Штатами, «уже испускавшими ядовитый inferнальный душок, подслащенный парфюмом и кленовым сиропом: смерть всегда душится приторными духами, с ее приходом в доме пахнет халвой» [3. С. 61].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Крусанова сближает с евразийцами отрицательное отношение к идее всеобщей европеизации национальной жизни, а также китайский мотив с его настойчивым намеком на восточную составляющую русской истории и русской культуры. В романе «Укус ангела» прослеживается основополагающий аспект евразийской концепции русской культуры, которая во всех своих видоизменениях и вариантах проявляется как на межкультурном уровне, так и внутри русской культуры. Крусанов рисует Россию с ее маленьким сакральным центром в русской глубинке (имение Некитаева) и враждебной периферией на востоке и на западе. Из этой пространственной оппозиции в романе возникает противостояния «Россия—Восток» и «Россия—Запад». Крусанов не просто стремится показать, к какому из этих двух начал принадлежит русская культура, для него важна идея о том, что «Россия — третья часть света материка Евразия, что она — то самое Последнее Царство, падение которого будет означать конец духовной истории человечества» [3. С. 188].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб.: Издательство «Лань», 2000.
- [2] *Крусанов П.В.* Все прочее — литература: сборник эссе. СПб.: Амфора, 2007.
- [3] *Крусанов П.В.* Укус ангела: Роман. СПб.: Азбука-Аттикус, 2013.
- [4] *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф — имя — культура // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
- [5] *Пиотровский М.Б.* Шайтан // Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. М.: СЭ, 1980—1982.
- [6] *Савицкий П.Н.* Европа и Евразия // Континент Евразия. М., 1997.

EURASIAN SPACE IN “ANGEL’S BITE”, A NOVEL BY P. KRUSANOV

A.S. Torosyan

Russian and Foreign Literature Department
Philological Faculty
Peoples’ Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117298

The article analyzes the artistic space of the novel “Angel’s bite” by P. Krusanov in the context of Eurasianism’s ideas. A key issue in the article is opposition “Russia-East”, “Russia and the West”. Eurasians and Krusanov bring the ideas of the special status of Russia as a Eurasian country together, not European or Asian one. Also there is criticism of Russia’s Europeanization in the novel “Angel’s bite”.

Key words: Eurasianism, St. Petersburg’s fundamentalism, opposition, imperial consciousness.

REFERENCES

- [1] *Vernadskiy G.V.* Nachertaniye russkoy istorii. SPb.: Izdatelstvo “Lan”, 2000.
- [2] *Krusanov P.V.* Vse procheye — literatura: sbornik esse. SPb.: Amfora, 2007.
- [3] *Krusanov P.V.* Ukus angela: Roman. SPb.: Azbuka-Attikus, 2013.
- [4] *Lotman YU.M., Uspenskiy B.A.* Mif — imya — kultura // Lotman YU.M. Semiosfera. SPb., 2000.
- [5] *Piotrovskiy M.B.* Shaytan // Mify narodov mira. Entsiklopediya / gl. red. S.A. Tokarev. M.: SE, 1980—1982.
- [6] *Savitskiy P.N.* Yevropa i Yevraziya // Kontinent Yevraziya. M., 1997.